

СКАЗКИ НАРОДОВ СЕВЕРА

В обработке Михаила Булатова

Художник Николай Фомин

Paulsen
2020

УДК 398.21 (47+57)
ББК 82.3(2)-6
Г67

Художник Николай Фомин

Сказки народов Севера. В обработке Михаила Булатова. –
М.: Паулсен, 2020. – 64 с.

ISBN 978-5-98797-238-0

© текст, М. Булатов, наследники, 1964
© Паулсен, 2020

ДОЧЬ С ВЕРЕТЁНЦЕ

Сказка народа коми

или старик со старухой, и была у них дочка – ростом с веретено.

Пришла однажды к старикам ведьма – йома – и говорит:

– У вас дочь ростом с веретено, и у меня сын не больше. Отдайте вашу дочь замуж за моего сына! А не отдадите – жить вам не дам: дымоход у вас завалю-закрою, двери снаружи припру!

Испугались старики. Говорят йоме:

– Что ж с тобой поделаешь? Отдадим дочку за твоего сына...

Взяла йома девушку и утащила к себе.

А сына-то у неё, оказывается, никакого и не было. Просто она погубить девушку хотела. Притащила йома девушку в свою избу и говорит:

– Сходи-ка ты да остриги моих овец. Мне для пряжи шерсть нужна.

Пошла девушка стричь йоминых овец, а по дороге зашла к знакомой старушке.

– Куда ты идёшь? – спрашивает старушка.

– Иду йоминых овец стричь.

– На верную погибель посылает тебя йома! – говорит старушка. – У неё овцы-то – волки серые! Ну да я научу тебя, как быть! Как придёшь в лес, влезь на дерево да крикни погромче:

*Овечки, овечки мои,
Собирайтесь поскорее,
Сами себя остригите,
А мне шерсть оставьте!*

Девушка так и сделала. Пришла в лес, забралась на высокую ёлку и запела:

*Овечки, овечки мои,
Собирайтесь поскорее,
Сами себя остригите,
А мне шерсть оставьте!*

Тут прибежали серые волки, стали под ёлкой скакать, один другого когтями драть. Много шерсти надрали, а потом все разбежались. Собрала девушка шерсть в кучу и принесла йоме.

Удивилась йома:

– Вот диво! Как же это не съели тебя мои овечки? Ну, теперь беги скорее к моим коровам – подои их и принеси мне молока.

Пошла девушка разыскивать йоминых коров, а по дороге опять зашла к знакомой старушке.

– Куда теперь посылает тебя йома? – спрашивает старушка.

– Коров доить.

– А знаешь ли ты, что её коровы – медведицы лохматые? Как придёшь в лес, влезь на высокое дерево и крикни:

*Коровушки, коровушки,
Собирайтесь поскорее,
Подойте себя сами,
А мне молоко оставьте!*

Девушка так и сделала. Пришла в лес, забралась на дерево и стала медведиц скликать. На её крик прибежали йомины коровы – лохматые медведицы. Сами себя подоили, молоко в берёзовые туески* слили, оставили девушке, а потом разбрелись по лесу.

Принесла девушка молоко. Йома глазам своим не верит:

– Как же тебя мои коровушки не съели? Ну, теперь беги скорей к моей сестре и попроси у неё берестяное лукошко.

А сама думает: «Не удалось мне её погубить, так старшая моя сестра её погубит!»

Побежала девушка к йоминой сестре, а по дороге забежала к старушке. Дала ей старушка маслица да крупы, корзину со смолой, деревянный гребень да брусок и сказала:

– Йомина сестра – такая же йома. Как придёшь к ней, скажи: «Йома-тётка, йома-тётка! Твоя сестра просит берестяное лукошко». Как

*Туесок – ведёрко из берёзовой коры.

почуешь какую беду – убегай поскорее! У двери петли маслом смажь – она и откроется. Накинутся на тебя йомины птицы чёрные – ты им крупы брось. Они и отстанут. Будет йомина сестра догонять тебя – ты сначала гребень брось, потом брусок, а под конец и корзину со смолой.

Пришла девушка к йоминой сестре. Спрашивает её йомина сестра:

– Зачем пришла ко мне?

– Йома-тётка, йома-тётка! Твоя сестра просит берестяное лукошко.

– А, лукошко! Хорошо, дам. Ты сядь отдохни, а я схожу в чулан, лукошко тебе принесу.

Зашла йомина сестра в чулан и принялась точить зубы.

Услыхала это девушка, поняла, что беда грозит, да поскорее бежать.

Бросилась к двери, а дверь не открывается. Догадалась она – смазала петли маслом, дверь сама собой открылась. Выбежала девушка на улицу, а на неё со всех сторон накинулись йомины птицы чёрные, кричат – вот-вот глаза выключают! Бросила она птицам крупы, они и отстали от неё. Побежала девушка как могла быстро.

А йома-тётка наточила зубы, вышла из чулана, глядит – а девушки-то и нету! Бросилась она к двери, стала ругать её:

– Зачем выпустила?

А дверь в ответ:

– Зачем мне держать её? Я тебе вот уж сорок лет служу, а ты ни разу ещё мои петли не смазала.

Выбежала йома-тётка на улицу, давай ругать птиц:

– Зачем её выпустили? Зачем ей глаза не выклевали?

А чёрные птицы в ответ:

– Зачем нам ей глаза клевать? Мы у тебя вот уж сорок лет живём – ни разу ты нам не дала даже поклевать остатки теста из квашни!

Села йома-тётка в ступу, толкачом погоняет, шумит-гремит по лесу, гонится за девушкой. Вот-вот достигнет.

Бросила девушка через плечо гребень, сказала:

*Гребень мой деревянный,
Вырасти густым лесом
У меня позади,
У йомы впереди!*

Вырос тут позади девушки, впереди йомы густой-прегустой лес высотой до облаков.

Билась-билась йома-тётка, искала-искала проход – не нашла! Нечего делать, домой за топором вернулась. Примчалась обратно с топором, прорубила тропу, а куда тяжёлый топор девать?

Прячет топор в кусты, а птицы лесные кричат ей:

*Ты спрячешь —
Мы увидим!
Мы увидим —
Всем расскажем!*

Рассердилась йома на лесных птиц:

— У-у, остроглазые! Всё видят!

Решила йома-тётка забросить топор назад. Бросила — упал топор возле самого её дома.

Опять погналась она за девушкой, опять настигать её стала. Тогда девушка кинула через плечо позади себя брусок и крикнула:

*Брусок ты, брусок,
Каменной горой встань
У меня позади,
У йомы впереди!*

И сейчас же позади девушки, впереди йомы выросла большая каменная гора.

Опять пришлось йоме-тётке возвращаться домой за топором. Схватила она топор, примчалась снова к каменной горе — давай пробивать в ней проход! Пробила, а куда девать топор? Птицы уж тут как тут, ту же песню поют:

*Ты спрячешь —
Мы увидим!
Мы увидим —
Всем расскажем!*

Опять забросила йома топор к своему дому и погналась за девушкой. Вот-вот догонит её, вот-вот схватит...

Тогда кинула девушка корзину со смолой и крикнула:

*Корзина со смолой,
Смоляной рекой растекись
У меня впереди,
У йомы позади!*

А слова-то и перепутала. Обе — и девушка, и йома — очутились в смоляной реке. А в это время над рекой пролетала ворона.

— Воронушка моя, — говорит девушка, — лети ты к моему отцу, к моей матери, скажи ты им, что дочка их завязла в смоле вместе со

злой йомой! Пусть возьмут трёхпудовый железный лом, пусть возьмут огонь и бегут сюда!..

Прилетела ворона к старикам, села на оконце, передала им просьбу девушки, да не расслышали старики слов вороны.

Ждала-ждала дочка помощи от отца, матери — не дождалась.

А в это время над головой её пролетал большой ворон.

— Ворон, ворон! — крикнула девушка. — Скажи ты моим отцу, матери, что завязла я в смоляной реке! Пусть ко мне на помощь спешат, пусть несут огонь да лом тяжёлый!

Полетел ворон к старикам, громко-громко закричал:

— Курк-курк! Ваша дочка от йомы убежала да упала в смоляную реку! За ней йома гналась и тоже увязла в смоляной реке! Просит ваша дочка, чтобы бежали вы к ней на помощь, чтобы несли лом железный и огонь!

У ворона голос-то был погромче — расслышали старик со старухой, схватили тяжёлый железный лом, огонь и побежали к смоляной реке свою дочку выручать.

Увидела старика и старуху хитрая йома, ещё издалека закричала:

— Милые вы мои, вытащите нас отсюда! Собрались мы с вашей дочкой к вам в гости, да обе и упали в смоляную реку!

— Не верьте вы ей, не верьте! — кричит дочка. — Бежала она за мной, погубить меня, съесть хотела!

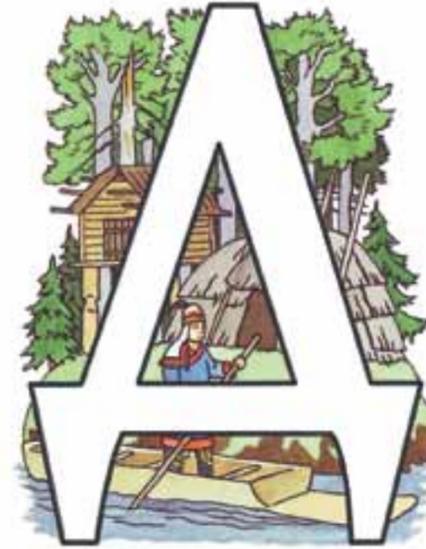
Подбежал старик и железным ломом вбил злую йому в смоляную реку. Потом развёл огонь, растопил смолу и вытащил дочку.

Вернулись они втроём домой весёлые, радостные и стали жить вместе, как раньше жили.

ОТВАЖНЫЙ СЫН

Нанайская сказка

авно это было. Очень давно. С тех пор много времени прошло. Там, где реки текли, теперь высокие горы стоят. Там, где горы стояли, теперь широкие реки текут..

Жила тогда в одном стойбище женщина Вайда с маленьким сыном, Анга его звали. Отца у мальчика не было — тигр убил.

Однажды заболела Вайда. Совсем ей плохо: лежит в своей юрте, встать не может.

Пришли соседки, сказали:

— Это злые черти — бусеу — напустили на неё болезнь и мучают её! Надо выгнать бусеу!

Созвали они в юрту больной много людей, погасили свет и стали пугать и выгонять бусеу: били в железные котлы, стучали трещотками, громко кричали: «Гаа-гаа! Гаа-гаа!» Только помочь больной не могли. Тогда позвали шамана. Пришёл шаман в хое — рогатой шапке, подогрел на углях свой бубен, чтобы он звучнее был, и стал изо всей мочи бить в него колотушкой. Бьёт, а сам кружится по юрте, прыгает из стороны в сторону, выкрикивает заклинания, железные побрякушки у него на поясе звенят, лязгают.. Долго шаман бил в свой бубен, долго кружился, а помочь больной тоже не мог.

— Выздоровела бы она, — сказала одна старуха, — если бы кто достал для неё чешуйку змеи Оглома да шерстинку большого медведя — Хозяина всех медведей. Да трудно это, опасно! Чтобы найти змею Оглома, всю тайгу пройти надо. А найдёшь её — новая опасность идёт. Возле змеи Оглома живёт другая змея — Симун. Она набрасывается и на змею Оглома, и на всех, кто осмелится подойти к ней. Дыхнёт змея Симун огнём — и обуглятся у человека руки!

Анга слушает, всё запоминает, сам молчит.

Другая старуха о медведе рассказывает:

— И к Хозяину медведей никто не посмеет идти. Живёт он на высокой горе, в глубокой пещере. На гору взобраться трудно. Подойти к Хозяину медведей страшно! Где такой отважный найдётся?..

Покачали головами старухи, поговорили и ушли. Мать и сын одни в юрте остались. Мать лежит, на сына смотрит, сама горько плачет.

— Вот больна я, не встану... Как теперь жить будешь?

Сын говорит:

— Ты не плачь! Вылечу я тебя: достану и чешуйку змеи Оглома, и шерстинку Хозяина медведей достану!

— Мал ты, чтобы за такое дело браться! Пропадёшь!

— У меня страха нет, — отвечает Анга. — Пойду я. Может быть, и не пропаду!

Отточил он получше копьё, взял большой котёл, взял длинную кожаную верёвку и пошёл. Идёт — сам по пути с ёлок смолу сдирает, в котёл складывает.

Долго он шёл. Очень долго. В одном месте остановился. Видит — речка течёт. Возле речки — большое дерево. Толще и выше всех деревьев оно. За листвой его днём солнца не видно, ночью — месяца не видно. А вокруг дерева всё выжжено.

Под этим деревом и жила змея Симун.

Принялся Анга щипать мох. Много нащипал. Всё тело мохом обернул, крепко-накрепко верёвкой обвязался. После того в речку вошёл, с головой окунулся. Много воды мох впитал. Анга на берег вышел — вода из моха сочится, на землю стекает. Тут он смело к дереву пошёл и стал изо всех сил копьём о котёл стучать. Страшный шум поднял. Все птицы далеко разлетелись, все звери далеко разбежались.

Змея Симун услышала шум и выползла из своего гнезда. Ползёт она к Анге, шипит. А за ней красный след остаётся — трава и камни горят.

Подползла змея Симун к Анге, раскрыла пасть и дохнула на него сильным пламенем. А ему ничего: мокрый мох его от огня защищает.

Дохнула змея Симун ещё раз. От Анги пар поднялся, всё кругом застлал. Изловчился Анга и бросил котёл со смолой прямо в пасть змее. Растопилась смола и залила глотку змее Симун. Издохла она.

Немного прошло времени — подползла к Анге другая змея и сказала:

— Я — змея Оглома. Всю жизнь я боролась со змеей Симун и никак не могла одолеть её. Змея эта одного за другим съедала моих детей. Ты мне помог — избавил меня от неё. Скажи, что тебе дать в награду?

ХРАБРЫЙ МЭРГЭН

Нанайская сказка

чень давно это было. С тех пор много времени прошло. Где реки текли – высокие горы появились, где камни лежали – дремучие леса выросли.

Было на берегу реки большое стойбище. Люди в этом стойбище хорошо жили.

Однажды ночью напал на стойбище злой Хозяин тайги. Все юрты сжёг, всё разрушил. Старшего в стойбище

вместе с женой в цепи заковал, в клетку посадил. Жителей в плен угнал. Опустело стойбище.

Из всех юрт только одну не сжёг – юрту старшего.

А в юрте этой люлька за дюлином* спрятана была. В люльке сын старшего спал, совсем маленький. Мэргэн его звали. Один он остался в стойбище. Так и жил год за годом.

А на месте разорённого стойбища скоро высокие деревья выросли, густые кусты тальника появились. Юрта Мэргэна совсем в зелени исчезла. Вырос Мэргэн, возмужал, сильным богатырём, метким стрелком стал. Приносил с охоты всяких зверей: и соболя, и куницу, и козулю, и кабана, и лося, и изюбря.

Как-то раз Мэргэн не пошёл на охоту, в своей юрте остался. Спать лёг. Долго спал. А когда проснулся, увидел: незнакомый охотник к юрте подходит. Поздоровался охотник, спросил:

– Как живёшь?

* Дюлин – изображение духа, покровителя семьи и дома, которое обычно стояло в юрте.

Анга сказал:

– Мне ничего не нужно. Дай только одну чешуйку с твоего тела, чтобы вылечить мою мать!

Змея Оглома дала Анге свою чешуйку, и он пошёл дальше.

Долго он шёл. Никто не скажет, сколько шёл. Наконец увидел он высокую гору. Хотел на вершину посмотреть – шапка с головы свалилась: такая высокая гора!

Стал Анга подниматься на гору. Карабкается с выступа на выступ, хватается за всякий камень, руки в кровь царапает – о себе не думает. Одно помнит: мать больная в юрте лежит.

Много ли прошло времени, мало ли, только добрался он до глубокой пещеры.

Вошёл в пещеру, а в пещере огромный медведь. Хозяин всех медведей спит, лапы в стороны раскинул, сам стонет.

Посмотрел на него Анга и видит: в заднюю ногу медведя острый сучок воткнулся, глубоко в тело вошёл.

Жалко стало Анге медведя. Обвязал он сучок верёвкой как мог крепко, дёрнул, сколько силы было, и вытащил его из медвежьей лапы.

Проснулся Хозяин медведей, увидел Ангу и говорит:

– Три года я мучился – никак не мог вытащить этот сучок! А теперь кончились мои мучения. Избавил ты меня от них. Что тебе дать за это, скажи мне?

Анга говорит:

– Дай мне только одну твою шерстинку, чтобы вылечить мою больную мать, больше мне ничего не нужно!

Хозяин медведей дал ему шерстинку. Отправился Анга поскорее на своё стойбище. Как молодой изюбрь нёсся, спешил!

Вбежал он в юрту и подал матери чешуйку змеи Оглома и шерстинку Хозяина медведей.

Приложила она чешуйку и шерстинку к больным местам – и тут же выздоровела.

С того времени все стали считать Ангу самым отважным и самым лучшим человеком во всём стойбище.

Близко ли было, далеко ли было – сказка кончена!

